

Слово об этой книге

Эта книга родилась в результате многолетних наблюдений над современной жизнью народной сказки в сёлах Восточной Сибири.

Восточносибирские деревни издавна славились замечательными мастерами-рассказчиками. Существовали целые династии сказочников, местные сказительские школы (88, с. 3–32; 125, с. 13–73). Настоящей сказочной страной был и по сей день остаётся Тункинский район Бурятской АССР или Тункинская долина, как принято называть это одно из живописнейших мест Восточной Сибири. В двадцатые годы нашего столетия учёными- фольклористами здесь были обнаружены целые «гнезда» сказочников, из которых выделились превосходные мастера: знаменитый Е. И. Сороковиков-Магай, Д. С. Асламов, В. Пятницкий, или дедушка Харый, как называли его сельчане, А. А. Шелихова и многие другие.

Мощная сказочная традиция несколько раньше была открыта в приленских сёлах. Связанная с творчеством таких замечательных сказочников, как Н. О. Винокурова, И. И. Большедворская, М. Д. Пермякова, И. И. Пермяков, Ф. И. Аксаментов, ангинский мельник Е. А. Ананьев, его земляки М. Медведев и А. П. Моляров, «старик Кистенёв» – она, как и тункинская, оказалась удивительно живучей. И теперь, более полувека спустя, во всяком случае в 60–70 гг. нашего столетия, сказка продолжала бытовать во многих местах обширной территории Восточной Сибири.

В связи с этим обстоятельством сибирским фольклористам прямо-таки повезло. Ведь фольклористика относится к числу тех трудных областей научного знания, которым часто суждено не поспевать за предметом своего исследования. К тому времени, когда фольклористика оформилась как наука, многие жанры устного народного творчества ушли из живого бытования. Так было с былинной, некоторыми видами обрядовой поэзии и отчасти со сказкой. И сказковедам поэтому часто приходится иметь дело с «мёртвым» материалом, т. е. архивными собраниями, печатными сборниками, различного рода записями, пусть даже очень хорошими, но всё же далёкими от естественной жизни устно-поэтического произведения. Ибо сказочное творчество – не отдельные тексты. Это – часть народной жизни, где в образно-содержательной форме запечатлелись социальный и бытовой опыт людей, система их представлений о мире, художественные вкусы многих поколений. Но в отдельном варианте всё это многообразие каждый раз вступает во взаимодействие с местной традицией, общественной практикой, мировоззрением и социальной психологией рассказчика и его коллектива, обусловленными историко-экономическими и географическими особенностями края, без знания которых не понять народного произведения и его истоков.

Приленские земли, о сказках и сказочниках которых в основном в этой книге пойдёт речь, – обширная территория в 132,7 тыс. кв. км.

Села здесь, как правило, старожильческие, русские, основанные первыми землепроходцами ещё в XVII веке. В 1631 г. возник, например, Усть-Кутский острог. И почти тогда же Петру Головину и Матвею Глебову – первым якутским воеводам – приказано было «высмотреть того накрепко, мочно ли на Лене реке, в которых местех пашню завести и пашенных крестьян устроить, чтобы на ленских служилых людей... хлеба напахать ленскими крестьянами... да о том отписать государю в Москву» (90, с. 7).

И потянулись в приленские земли «охочие хлебопашцы» да «вольные гулящие люди». На берегах Лены, в устьях её притоков они ставили остроги, селенья, слободы. Так, в 1663 г. Ивашко Дмитриев Синюшкин недалеко от Усть-Кутского острога поставил первый сруб, и пошло Синюшкино; в 1652 г. Ивашко Пуляев основал Пуляевское; в 1689 г. Омолойко Гришка Савин– Омолоевское; в 1699 г. Пашко Тарасов – Тарасово. И так пошло.

Первые «рассейские» засельники несли в Сибирь былины, сказки, песни, чудесные побывальщины. Они находили здесь благоприятную почву для своего бытования, чему немало способствовали артельные по преимуществу работы людей. На почтовых станках, в

охотничьих зимовьях, при сопровождении «посуд» сказки продолжали жить полной жизнью, наполняясь своеобразным сибирским колоритом. И так было долго.

Практически лишь в последние десятилетия Восточная Сибирь получает импульс, вызвавший к активной экономической и общественной жизни огромные территории, находившиеся до этого в состоянии нетронутости.

Так, ещё полтора десятилетия назад на месте одной из крупнейших в мире Братской гидроэлектростанции, города Братска, металлургических и лесоперерабатывающих предприятий, а также в междуречье Лены и Ангары, где действует сейчас Коршуновский горно-обогатительный комбинат, располагались старожильческие деревни, путь до которых от Иркутска занимал многие сутки. Железнодорожная магистраль Тайшет – Лена, начальный участок западного плеча Байкало-Амурской, открыла доступ не только к Усть-Куту, но ввела в сферу активной экономической и культурной жизни многие районы, куда до этого не было иного пути, кроме таёжных троп и плохо приспособленных для транспорта просёлков.

Такие особенности развития края, а также оставшийся до сих пор таёжный быт способствовали сохранению во многих приленских и других сибирских деревнях традиционного уклада жизни, а вместе с ним и народной сказки.

Разумеется, этим я вовсе не хочу сказать, что устно-поэтическое творчество связано с отсталым образом жизни: культура таёжного села – тоже культура. Но то, что бытование некоторых жанров и, в частности, сказки возможно лишь в связи с определённым укладом жизни, – это несомненно.

Интереснейшей и неотъемлемой особенностью таёжного быта, бесценной теперь для фольклориста, являются следы древнего мировоззрения – вера в чудесное. Они отчётливо проступают во взглядах некоторой части приленцев из глухотных сибирских деревень, где основным занятием населения остаётся охотничий и другой лесной промысел. Сколько причудливых историй, поверий, бывальщин и быличек придёт на ум у таёжного камелька, скольким новым охотничий быт даст начало. Испокон веков к тем историям относились в таёжных деревнях со вниманием и серьёзностью.

Серьёзно должен вникнуть в них и читатель, если он стремится понять жизненную природу народной эстетики, её своеобразие, уловить разносторонние взаимосвязи этих рассказов со сказкой и с мировоззрением её носителя – сказочника.

В восприятии современным рассказчиком и слушателем, например, быличек о леших и разной другой нечистой силе сказывался и сказывается, конечно, во многом и эстетический принцип, лежащий в основе таких рассказов, – установка на достоверность происшествия. Подобные истории по народной традиции рассказываются с видимостью веры в них. Не всегда и не все, в том числе и приленцы, верят в такие рассказы, часто вышучивают их до или после повествования. Но во время сказа видимость веры в случай соблюдается обязательно.

«Вот дорога идёт, лесная, – П. А. Болдаков, охотник и сказочник из села с поэтическим названием Тихое плёсо, аккуратно раскладывает на столе спички, детально объясняя направление дороги. – И отсюда тоже идёт. На стрелочке туточка сходятся они. Это – росстанье называется. Сруби здесь зимовье – оно всегда пугать будет. Нечистики на росстаньях всегда гнездятся. Тут и ветер будет, и колокольцы... веселье тако будет: и буря, и деревья будут ломаться и всё. Избушки не рубят на росстаньях.

– А почему здесь избушки пугают? – спрашивает один из слушателей.

Глаза Болдакова начинают смеяться:

– Да уж так вот пугают. То каменка рассыплется, то труба вылетит, то стонать начнёт кто-то... Уж старики что-нибудь да сделают, чтоб другие охотники тут не ходили, белку да соболя не стреляли...»

Вообще вопрос мировоззрения жителей глухих таёжных деревень – чрезвычайно сложный, требующий специального и развёрнутого исследования. Здесь же я хочу лишь подчеркнуть противоречивость мироощущения приленских сказочников: с одной стороны, для них

характерен трезвый взгляд на вещи, с другой, они – олицетворение психологии старой таёжной деревни с верой во всевозможные чудеса. Многие из них и в городе бывают, и газеты читают, и рассуждают о политике, а спросишь:

– Вы-то сами в нечистую силу верите?

Сощурит человек глаза и хитро ответит:

– Мой-то отец сильно набожный был, а я нисколько не верю, – и тут же наскочит вам десятки историй, которые случались с его знакомыми и с ним самим¹.

Экспедиции Иркутского государственного педагогического института, с 1966 г. изучающие живую фольклорную традицию в Приленье, сделали многочисленные записи быличек и страшных рассказов про водяного, про лесных людей и кума-лешего, про полудницу, про кикимору, про домового, про соседок-колдовок, которые перед пасхой, в великий пост, наряжаются свиньями, а в рождество, в великий четверг, приходят греться в дома, где «забытыми дровами печку топят». Есть и такие, которые по ночам молоко из коров выдаивают и стригут овец.

Приленцы не только знают бесчисленное множество быличек и «страшных» историй, но могут дать и «компетентные» рекомендации, как «разоблачить» лешего или колдунью и подробно опишут их внешность:

– Полудница-то? – щупленький дед из Кузнецовки помаргивает выцветшими голубыми глазками. – Обросшая женщина. Косы до задницы, груди большие. Красива по себе, но только косматая, и волоса будто бы на грудях есть².

Аналогичные истории и описания можно услышать в Приленье на каждом шагу. И не только от охотников или таких, как Кузнецов, который лишь раз в городе побывал и сразу «понял: вот куды хлеба много девается – народу столь!», но и от людей бывалых. Притом все они верят и не верят, подсмеиваясь над собой и другими, тут же переходят на серьёзный тон.

По-видимому, такое сочетание нового и традиции и в то же время слегка ироническое отношение к последней в какой-то мере характерно для психологии устного народного творчества наших дней. И, действительно, современная жизнь опровергает суеверие. Но вера в чудесное как эстетический принцип народной поэтики продолжает так или иначе существовать в представлениях людей.

Такова в своих «лесных былях» Фелия Георгиевна Смирнова (Усть-Кут). Она верит в волшебство не сознанием, а душой народного артиста, художника. Часто, начиная какую-нибудь историю, Смирнова называет её «чертовщиной», а рассказывает и особенно комментирует чудесное, как быль: «Это было здесь на Лене. Здешняя женщина рассказывала – Маруся, в Осетрово живёт. И было это... в какой же деревне? В Тарасове ли что ли? В Орленге ли? Быдто баба в лесе ходила. Медведь-то и утащил её к себе. И она там жила с им, с медведем, как жена. Он ей настелил сена в берлоге, чтоб мягко было. Костер ей разводил, грел её, а спички и хлеб у сенокосчиков воровал. И кормил её. Потом она родила ему медвежонка.

Вот как-то раз ушёл он (медведь-то) куда-то. Она и убежала от ево. Прибежала к берегу, а там, на другой стороне – деревня её. Там знакомый старик сети ставил. Она и давай кричать: «Дедушка, дедушка, перевези меня!» Он взял да и перевёз.

А медведь-то возвратился в берлогу – её нет. Он и давай тесать к берегу. Стал на берегу, дак вот так прижимат лапы-то да ревет. Мужики и говорят: «Надо её показать ему. Он переплывёт, мы тут и убьём ево в речке». Ну, её и показали с этим-то, с медвежонком. Он и поплыл. Подплыват к берегу. А один мужик-то и говорит: «Может, он ишо сдастся». Медведь, как услышал эти слова, – лапы кверху: сдаюсь, мол. Тогда милиционер-то ихний, Косыгин, взял да и застрелил его. А ребёнок, медвежонок-то, и сейчас с этой женщиной в Иркутском живёт...»

И, окончив, раздумчиво:

«– Не знаю, правда ли, – така сказка. Говорят, што медведи-то – проклятые люди. – И вдруг уверенно: – А как же? У медведицы-то ведь две груди, как у женщины. И медведь-то сам как человек, когда на пеньке сидит...» (АН).

Рождённый тотемическими взглядами наших далёких предков сюжет этой таёжной бывальщины прошёл сквозь века и всё-таки продолжает жить, несмотря, казалось бы, на такую серьёзную преграду, как уровень современного знания. А ведь Ф. Г. Смирнова – человек много повидавший и переживший на своём веку. Высланная вместе с бунтарём-дедом в Сибирь из кавказского аула Соо, она узнала забайкальскую каторгу с её многонациональным интересным людом, жестокий и вольный мир приискателей, услышала их своеобразные легенды, сказы и песни.

В годы гражданской войны Ф. Г. Смирнова партизанила в Забайкалье, на Дальнем Востоке, в приленских лесах; была ранена, сидела в семёновской тюрьме. После установления в Сибири советской власти стала бессменной участницей актёрских агитбригад, с которыми объехала почти всю Восточную Сибирь. Не только в многочисленных ролях пьес Островского видел её зритель тех лет, не только слушал в её исполнении песни и сатирические куплеты, но и восхищался сеансами французской борьбы, в которых Фелия Георгиевна выходила непременно победительницей.

Бывалый человек Ф. Г. Смирнова. Но стоит ей начать рассказывать, и будто не было позади такой кипучей и разной жизни, будто не она ходила трудными партизанскими тропами, боролась, агитировала, выступала с эстрады. Только что сама смеялась и подшучивала над всякой «чертовщиной», а начала рассказывать – и ей уже не до смеха.

Видимо, существует непреодолимая власть традиции, которая всецело подчиняет себе творческого повествователя во время сказа. Сошурившись куда-то в угол, Смирнова рассказывает так, как будто рассматривает, и медленно сообщает о каждой увиденной детали:

«...Вдруг старичок очутился, сидит на бруске у полатей-то. Ма-а-ленький, вот такой, – она поднимает руку на полметра от пола, определяя рост «увиденного» ею однажды домового. – По-старинному одетый: в шабурах, полы вот так вот за кушак затыканы, унтики маленьки – он ими побалтывает. Бородка – гвоздиком».

Так же зримо описывает она кикимору, которую плотники впустили в дом неблагодарным хозяевам:

«...Выходит из-за печки девочка – косичка жёлтенька. Сарафаны раньше носили. Так на ей сарафан: ситцева рубаха, а книзу – даба, эта, как клеёнка синя така, пришита, крепко чтоб было. Сарафанчик весь изорванный. Поясок и ляпочки только остались. Босиком...» (АИ).
Таковы лишь некоторые штрихи того удивительного мира народных представлений в Приленье, к которому ещё не раз нам предстоит вернуться.

Плоть от плоти этого мира и живущие там сказочники.

Сказки, сказочники, современность...

Как связываются эти понятия? Чем отличаются сказки в устах современных сказочников от вариантов прошлого? Можно ли вообще применительно к сказке – этому искусству древности – употреблять термин «современный»?

Жанр сказки традиционен по самой эстетической специфике, и термин «современный» к нему применим лишь условно. Процессы, происходящие в волшебной сказке сегодня, можно назвать новыми лишь с точки зрения современности форм их выражения. По сути же они – есть дальнейшее развитие генетически заложенных в ней специфических жанровых особенностей в новую историческую эпоху.

Своеобразие современной жизни народной сказки привлекало многих учёных. Суммируя поставленные в их работах вопросы, можно выделить два основных направления в изучении сказочного творчества. Одно из них связано с рассмотрением современной сказки в общей перспективе исторического движения жанра. Например, в монографии известной советской исследовательницы Э. В. Померанцевой рассматриваются судьбы русской сказки вообще начиная с 18 в. (66).

Вторая тенденция основывалась на изучении творчества отдельных сказочников. Последняя особенно активно стала развиваться в 20–30-е годы. Хотя некоторые из учёных разрабатывали проблему сказочника весьма обоснованно фактически и теоретически и

внесли значительный вклад в изучение сказочного творчества нашего столетия, например, такой многогранный исследователь, как М. К. Азадовский – фольклорист, литературовед и историк Сибири, в целом такое направление недооценивало роль традиции в жизни сказки и в 50–60 гг. подверглось критике.

Основные идеи этой школы (преувеличение роли «личного начала» при недостаточном учёте традиции и движения традиции, желание увидеть в сказочных текстах прежде всего «громкий голос настоящего»³) критиковались со стороны тех учёных, кто ратовал за историческое изучение фольклора (5; 72; 75; 76), и тех, кто возражал против романтизации современного народного творчества и особой роли «творческой индивидуальности» в нём. Несмотря на явные методологические просчёты такого направления, оно было исторически обусловлено диалектикой молодой советской фольклористики, и критически не учитывать сделанного сказковедами 20–30 годов нельзя, как невозможно при исследовании сказочного творчества отказаться от изучения его носителей – сказочников.

Первое, что производит наиболее сильное впечатление, когда слушаешь современную сказку, – это активное вторжение в неё бытовых стихий. В творческом переосмыслении волшебной сказки появляются новые, на первый взгляд, казалось бы, несвойственные классическому сказочному повествованию формы обобщений народного бытового опыта. Это ведёт к разного рода сдвигам в традиционной системе жанра.

Фольклористическая литература нашего столетия содержит немало интересных наблюдений на этот счёт. В дальнейшем мы будем неоднократно к ним обращаться. Сейчас же ограничимся наиболее общими замечаниями.

В основном учёные-сказковеды сходятся на том, что сложная и опосредованная реакция волшебной сказки на современность не затрагивает традиционных сюжетов и образов, а отражается лишь в деталях. При этом традиция оказывается сильнее тех новаций, которые несёт сказке действительность. Учёные настойчиво говорят о реалистических элементах, усиленно входящих в систему сказочного повествования, о фактах так называемого осовременивания чудесной событийности и образности; отмечают глубинный характер подобных изменений, отражающийся главным образом в особенностях интерпретаций традиционной сказочной основы (56, с. 55; 58, с. 244, 96, с. XXIX; 97, с. VII, 99, с. 243, 267). Сравнивая и обобщая большой и разносторонний материал по изучению русской сказки более чем за двести лет, Э. В. Померанцева приходит к выводу о качественно новом периоде жизни сказки, который, по мнению автора, наиболее чётко обозначается в первой четверти нашего столетия.

Аналогичные замечания, часто в схожих, а порой и в идентичных выражениях (в чём проявляется любопытная типология современного научного мышления) содержат работы многих зарубежных фольклористов (11; 23; 46; 60; 82). Ни одна из рецензий, публикуемых на протяжении многих последних лет на страницах международного фольклористического журнала «Fabula» на сборники из серии «Die Marchen der Weltliteratur» не обходится без подобных замечаний.

Но отношение учёных к этим, подмеченным ими фактам современной жизни народной сказки, неоднозначно.

Всегда ли, как считают некоторые из них, осовременивание несёт лишь гибель волшебной сказке?

С одной стороны, фольклористика, действительно, располагает некоторым количеством записей вариантов, в которые врывается современная лексика, органически никак не увязываясь с живой тканью повествования. В связи с этим традиционное сказочное изложение иронизируется, ломается, часто схематизируется. Но, с другой, – как быть тогда с творчеством таких мастеров сказки, как Н. О. Винокурова, Е. И. Сороковиков-Магай, Ф. И. Аксамёнтов, Д. С. Асламов, Р. Е. Шеметова, А. А. Дерягин, Ф. Е. Томшин и многих других сказочников нашего времени, характерной особенностью творческого метода которых является именно осовременивание традиции – стремление к соотношению древних сказочных образов с повседневным бытом и социальной психологией своих слушателей-

сельчан? Не это ли обстоятельство сделало варианты перечисленных рассказчиков наиболее выразительными и близкими аудитории, обеспечив их живое бытование?

Стало быть, есть разные формы и методы осовременивания и разные творческие возможности. В одних случаях оно может служить признаком жанровой деградации сказки, в других – показателем её творческой жизни.

Однако что такое реалистические детали, «осовременивание», с точки зрения поэтики сказочного жанра? В чём раскрывается «новое качество» современной сказки?

Ответы на эти вопросы, по-видимому, могли быть подсказаны лишь самой жизнью сказки, непосредственными, систематическими и длительными наблюдениями над живым творческим процессом. Вот почему мы и обратились к Восточной Сибири, где, как уже отмечалось, в силу целого ряда исторических, экономических и социальных особенностей развития региона, сказка продолжает бытовать и теперь.

Конечно, это не означает, что Сибирь не подвластна общим законам существования фольклорного искусства.

В ней, к сожалению, как и повсюду, сказочная традиция переживает стадию угасания. Но процесс затухания жанра – противоречив и неравномерен. Он отмечен не только повсеместным уменьшением количества встречаемых сказочников и их сказительских репертуаров, упадком художественности повествования. Период угасания сказки сопровождается волнами подлинного и яркого мастерства, которые выплёскиваются и отдельными вариантами, и предстают подчас большими, разнообразными репертуарами творческих рассказчиков и целых сказительских школ. Поэтому признание объективной логичности затухания сказочной традиции должно быть неотделимо в методологии исследования от понимания неслучайности её творческих взлётов, как диалектической закономерности всего сказительского процесса. Вот почему, не отрицая факта исторической неизбежности гибели волшебной сказки, нельзя игнорировать и всей сложности переживаемого ею периода, который, как и всякий другой, является закономерным этапом её жизни, заслуживающим внимания и изучения.

Исследование живых процессов, протекающих в современном сказительстве Восточной Сибири, позволило заглянуть в самые тайники фольклора, проникнуть в неповторимость его творческой лаборатории. Мы слушали не только сказки, легенды, бывальщины, песни, но и любопытнейшие рассуждения о них самих рассказчиков. Записывали целые диалоги сказочников и их слушателей по поводу чудесных персонажей. Были свидетелями горячих споров сельчан о поступках и приключениях сказочных героев. Одним словом, могли наблюдать истоки того интереснейшего и совсем не изученного явления, которое принято называть народным фольклороведением.

Соприкосновение с живой устно-поэтической традицией дало в наши руки не только собственно фольклорные тексты. Нас интересовали и сведения сугубо бытового, производственного, психологического, исторического, географического, этнографического уровней, которые помогали воссоздавать непосредственную обстановку бытования сказки. Наблюдения над жизнью народной сказки в естественных условиях показали, что всевозможные черты современного быта и миропонимания в общей системе фантастического повествования – не хаотичный «набор» реалистических деталей. В каждом конкретном случае они строго обусловлены целым рядом факторов и в совокупности своей выливаются в особые формы обобщений бытовой и производственной практики людей, в которых и осуществляется связь древнего устно-поэтического жанра сказки с новым временем. Именно они сообщают жизненный импульс чудесному повествованию, делая его для слушателей-современников близким и животрепещущим. Так проблема современных судеб сказки смыкается с проблемой форм типизации в ней реальной действительности.

Однако чем же все-таки объясняется такое интенсивное вторжение в сказку реалий быта?

Прежде всего, как мы полагаем, это связано с особенностями народного восприятия фантастики чудесного и тот или иной период жизни сказки. В каждую новую эпоху

волшебный сказочный мир воспринимается народом по-новому. Эти изменения в восприятии традиции связаны с изменением типа художественного народного мышления. Они-то и формируют своеобразие подхода к фантастике чудесного, т. е. оригинальность творческих принципов сказочников-современников в переосмыслении ими традиции. Эти творческие принципы определяют общие закономерности в сказительстве данной эпохи и раскрываются в интерпретациях отдельных сказочников и их школ. В них в конечном счёте выражается историческое движение сказки. Их мы называем факторами объективными.

Вместе с тем в каждом новом варианте неизбежно преломляются особенности социальной психологии и мировоззрения рассказчика как наиболее яркого выразителя комплекса взглядов той или иной общественной микросреды, которые также, несомненно, накладывают свою печать на формы художественных обобщений.

Каждый, конечно, подмечал, что сказки, даже с одинаковыми сюжетами, рассказываются по-разному. В том проявляется одна из особенностей устного народного творчества, которую принято называть вариативностью.

Но в то же время существует определённая близость некоторых сказочных текстов. Я имею в виду не ту близость, которая выражается в традиционности сюжетов, мотивов, образов, устоявшихся сказочных формул – схожесть такого рода составляет основу художественного мира сказки, его эстетику. Я имею в виду сходство в переосмыслении традиционных сказочных ситуаций и образов, которое роднит не обязательно знакомых рассказчиков или родственников, но людей, никогда не встречавшихся друг с другом, однако близких по своим социальным судьбам. Притом подобные аналогии захватывают главным образом характер интерпретаций, определяя их сходное социально-художественное звучание...

В таких случаях мы имеем дело с интереснейшим явлением, которое учёные называют типологией. По нашим наблюдениям, в сказительстве оно также существует и проявляется весьма любопытно, что я и постараюсь, показать в дальнейшем. Сейчас же мне хотелось бы обратить внимание ещё на одно обстоятельство, не учитывая которое нельзя вести разговор о каком бы то ни было научном исследовании. Речь идёт о методике работы.

Чрезвычайно важным в методологии наших наблюдений и выводов стал тот факт, что изучение бытования народной сказки в Приленье в 60–70 гг. экспедициями Иркутского государственного педагогического института явилось продолжением работ, начатых там же в 1915 г. М. К. Азадовским, а в 40-е годы подхваченным известным фольклористом К. А. Копержинским.

Это дало возможность не только подвести итоги об следования региона более чем за пятьдесят лет, но продолжить изучение сказочной традиции в нём, опираясь на творчество не отдельных, хотя и талантливых сказочников, а целых школ и направлений. В результате вырисовалась общая картина сказочного творчества конкретный исторический период во всем его живо разнообразии и противоречивости, в сложном переплетении местных традиций; картина, в которой личность сказочника уже не могла заслонить процессы. Те более чётко обозначились в ней сходные формы отражения реальной действительности в разных сказочных вариантах.

В методике изучения современного сказочного творчества мы исходили также из того, что процессы, протекающие в сказке в Сибири, являются органически частью общерусских фольклорных процессов, несмотря на некоторое своеобразие, обусловленное всей совокупностью исторических, географических, экономических, социальных особенностей развития края. Поэтому, акцентируя внимание на сибирских материалах, мы не обособляем их от общерусских, стремясь путём их сопоставления выявить и подтвердить закономерности.

Ярче всего подмеченные особенности проявляются в волшебной сказке как наиболее характерной для эстетики сказочного жанра. Поэтому наблюдениями над современной жизнью волшебной сказки мне и хочется поделиться с читателями этой книги.

¹ Такой ответ п многочисленные былички записаны от А. Л. Кузнецова (село Кузнецовка Жигаловского района Иркутской области).

² См. выше.

³ Речь идёт о не критически воспринятой формуле Ю. М. Соколова: «Фольклор – это отзвук прошлого, но в то же время и громкий голос настоящего» (106, с. 14).